

Свобода

И полная свобода до поры,
Как в небо устремлённые шары
На Первомай и мирный День Победы,

А дальше звуки гимна по утрам
И планы пятилеток на-гора,
Надбавки и дешёвые обеды...

Рыбалка и футбол по выходным,
А осенью прикинешься больным
И «отдохнёшь» недельку на больничном...

Свобода – это хлев и огород,
На завтрак с колбасою бутерброд,
И снова «в бой», пока на фронте личном

Царит однообразие и лень,
И «дольше века длится летний день»,
И век уже давно за половину...

А детство по просёлку босиком,
Вперегонки с июльским ветерком,
Бежит за мной к колхозному овину...

Рождественское

Краснодеревщик изготовит раму,
задаст размер для нового холста.

Трубач побудку выдует с листа.
Звезда укажет мне дорогу к храму,

что высится над медленной рекой,
несущей льдом закованные воды,
но скоро вестью разольёт благой
архаику востребованной оды...

И снизойдёт от неба благодать
к земле родной, чтоб словом возродить
могучий род надломленного древа...

И будет ночь на Рождество бела,
и в добрый час, на добрые дела
благословит Святая Параскева...

Седьмое небо

Из окна седьмой палаты
все коллизии видны –
неба чёрные квадраты
освещают две луны...

А от неба всё во благо –
хворь не худший катаклизм...
По системе струйкой влага
в поражённый организм...

Не мытьём, так внутривенно
очищается от скверны
плоть..., а с нею и душа...

Не перечь! Лежи и слушай
тишину, что льётся в уши
из небесного ковша...

Мой лекарь

Проснулся не с тобой, но жив...
И солнце так же ярко светит!

Не запоздал мой лекарь-цветень,
Снял камень с сердца и души,
Снежками, заиграв в овражках,
Снега в лощинах запалив...
И вот в просторах белых нив
Резвятся белые барашки...
Какой разлив! Как никогда
Река земная полноводна!
Как дух, мятежна и свободна
Лёд победившая вода!
Не в русле строгих берегов
Бурлит поток, не в узких рамках,
Освободившись от оков,
Несёт песок размытых замков,
Древесный прах сухих стволов,
Обломки свай мостов-временок...
Пошёл в сарай, нашёл рубанок,
Стругаю новое весло...

Лицо дождя

Пытаюсь разглядеть его лицо
В слезинках на стекле оконной рамы,
В святых глазах-дождинках юной мамы,
На старом фото рядышком с отцом...
Пытаюсь разглядеть его лицо
В потоках мутных яростной стихии,
Когда вдруг стали все вокруг плохими,
И сам стал сволочью и подлецом...
Не опускаю перед ликом взгляд,
Смотрю в глаза, пусть даже исподлобья –
Я горькой правде, не поверишь, рад
И больше не ломаю перья-копья
В сраженьях против мельниц ветряных,
Не проливаю капли творческого пота –
Мне стал не близок образ Дон Кихота
И стали чужды образы иных,
Когда-то мною избранных героев,
Кумиров, обручившихся с дождём,
Сошедших с пьедестала скорбным строем...

Там мокнут с грустной музою вдвоём
Такие же, как я, немного странные –
Чужие люди, без имён и лиц...
Дождь, не огонь... солдаты оловянные,
Лишь смахивают капельки с ресниц,
Пытаясь заглянуть в лицо прекрасное,
Внутри себя живущего творца...
Лицо дождя... размытое, неясное...
Как вечность без начала и конца...

Обида

Ты обиделась..., я знаю – это значит,
что меня теперь накажут небеса...
Да, по мне уже давно на небе плачут,
и наточена тяжёлая коса,
а для верности пристреляна винтовка
на мишенях всех несбывшихся надежд,
с той поры, как осень – рыжая плутовка,
разбросала лоскуты своих одежд
по лугам, где бойкий ветер шаловливый
подсмотрел обворожительный стриптиз,
а над речкой перешёптывались ивы
в предвкушении банальности реприз...
Ты обиделась..., а осень-чаровница,
потеряв от горя голову и стыд,
обнажённая пришла со мной проститься
и у гроба долго плакала навзрыд...